

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ

ИНТЕРВЬЮ С **ПАВЛОМ АФАНАСЬЕВИЧЕМ ЦЫГАНКОВЫМ**,
ДОКТОРОМ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ
МГУ ИМ.М.В. ЛОМОНОСОВА

Интервью с российским исследователем, профессором П.А. Цыганковым посвящено методологическим аспектам исследований в области международных отношений, специфике отечественных исследований по теории международных отношений. Ученый рассказывает о деятельности современных аналитических центров в области международно-политической тематики, их роли в процессе принятия политических решений. Рассматриваются перспективы развития теории международных отношений в России. П.А. Цыганков сравнивает качество исследовательской работы на Западе и в России, отмечает ряд факторов, с учетом которых можно повысить роль отечественных исследований по проблемам международных отношений: плюрализация и создание глобальной науки международных отношений, развитие национальных школ по международным отношениям. В ходе интервью П.А. Цыганков ссылается на ряд научных работ и конференций, которые подтверждают обоснованность точки зрения исследователя. Обращается внимание на тот факт, что в самой российской науке международных отношений происходит своеобразное «региональное разделение труда»; крупные университеты различных городов и регионов России занимаются вполне конкретными проблемами международных отношений. Исследователь акцентирует вопросы междисциплинарности, которая является обычной и необходимой для такой науки как теория международных отношений. Междисциплинарность, в свою очередь, предполагает использование множества исследовательских методов и приемов — как из области гуманитарных, так и естественных наук.

Ключевые слова: международные отношения, методология, теория международных отношений, аналитические центры, междисциплинарность.

Цыганков Павел Афанасьевич, родился в 1941 г. в г. Витебск. С 1962 по 1967 г. учился на философском факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, по окончании которого работал ассистентом кафедры философии Донецкого политехнического института. С 1969 по 1972 г. обучался в очной аспирантуре философского ф-та МГУ, далее работал ассистентом, ст. преподавателем и доцентом Донецкого политехнического института. С 1978 г. — в МГУ им. М.В. Ломоносова:

вначале на философском факультете, с 1991 г. — на социологическом факультете, а с сентября 2009-го — на факультете политологии.

С января 1977 по январь 1978 г. проходил научную стажировку в Доме наук о человеке (Париж, Франция). 1978—1981 гг. преподавал философию в университете и в высшей партийной школе города Браззавиль (Народная республика Конго). В качестве приглашенного профессора работал в департаменте политических наук Монреальского университета (Канада) — в 1993, 1996 и 2010-м г. В 1994, 1998, 2000 и 2004 г. работал в качестве приглашенного исследователя в Доме наук о человеке (Париж, Франция). Читал лекции в университетах Германии, Франции, Китая, Киргизии, Украины, Японии, а также в ряде российских университетов.

Основные направления научной деятельности: теория, социология международных отношений, проблемы международного сотрудничества, концептуальные основы внешней политики РФ. Член диссертационного совета по политическим наукам при МГИМО (У), председатель диссертационного совета по политическим наукам при МГУ имени М.В. Ломоносова.

В 2015 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

— В чем заключается специфика отечественных исследований по международным отношениям по сравнению с международными исследованиями за рубежом? Что может привнести российская международно-политическая наука в международные исследования?

— В сообществе ученых в области международных отношений есть две позиции относительно данного вопроса. Одна из этих позиций заключается в том, что наука едина, она или есть или ее нет, истина всегда одна. С этой точки зрения наука международных отношений уже создана, она существует, в этом смысле никакие национальные усилия не нужны, ибо это заводит в тупик и сродни национализму. Другая позиция состоит в том, что нынешняя наука международных отношений — это западная наука и даже, скорее, американская. В этом смысле теория международных отношений американско- и западочентрична. В данной связи развитие национальных школ — это важный этап создания глобальной и плюралистической науки международных отношений.

Еще древнегреческий историк Фукидид говорил, что есть три главных мотива внешней политики (и, соответственно, мы можем говорить о трех фундаментальных понятиях, которые должны лежать в основе международно-политической науки). В диалоге с мелитянами афиняне заявляли, что стремление подчинить их себе диктуется тремя причинами: сложившимися обстоятельствами — страхом перед персами (то есть соображениями безопасности), соображениями чести (говоря современным языком, ценностями) и интересами [1. С. 7]. Этими категориями с тех пор наука международных отношений и оперирует.

С другой стороны, будучи общезначимыми, эти понятия накладываются на совершенно конкретные условия, в которых развивается международно-политическая наука. Так в 1977 г. патриарх американской международно-политической

науки Стэнли Хоффман издает статью под заголовком «Международные отношения: все еще американская наука?» (1). В этой статье он показывает, что это действительно американская наука, делая вывод о том, что так и должно быть, потому что Америка — самая влиятельная и мощная держава и т.д. По его мнению, наука международных отношений объясняется и выстраивается на основе следующих обстоятельств: во-первых, это статус страны в мире; во-вторых, амбиции политической элиты; в-третьих, существующие интеллектуальные запросы и традиции в обществе. Важное значение имеют также существующие политические обстоятельства и институциональные возможности.

Параллельно, еще с середины 60-х гг. появляются такие школы, как английская школа международных отношений, а в 70-х гг. данный процесс усилился. В разных странах и регионах мира — в том числе в США, что вполне закономерно — научные сообщества начинают задумываться над тем, что критика теории международных отношений уместна: в данном случае, за ее американско- и западоцентризм. Появляются различного рода эпитеты: «американский яблочный пирог», «наука мертвого белого человека» и т.д.

С точки зрения критиков это значит, что существующая американоцентричность и западоцентричность в науке международных отношений отражает один угол зрения, одно — связанное с «национальными особенностями» — видение и объяснение международных реалий. В той же Америке появляются критические теории, зачастую даже близкие к неомарксизму. Они настаивают на том, что если теория существует, значит это кому-то нужно, значит, она отражает чьи-то узкие интересы, позиции, и эти позиции небескорыстны.

Если посмотреть глубже, то мы увидим, что представители разных доминирующих течений — включая конструктивизм, который создавался как критическое течение — во многом сходятся. И прежде всего в том, что они обосновывают необходимость, прогрессивность и всеобщую полезность «глобализации с американским лицом».

Если мы посмотрим на Европу, то увидим там «национальные школы» науки международных отношений: в Германии, в Англии и т.д. Там отмечается другой взгляд — во-первых, общеевропейский, во-вторых, специфичный для каждой из стран ЕС. Это естественно, когда есть стремление найти что-то свое и противопоставить американоцентризму в науке. К примеру, у французов — другие обстоятельства, другие цели, другие интеллектуальные традиции.

Социология международных отношений, которой привержены французские ученые, объединяет и реалистов, хотя они часто не хотят признаваться, что они реалисты, и либералов, и институционалистов.

Есть так называемая «теория человеческой безопасности» (несколько лет назад по ней был проведен семинар и издана книга) [4]. Суть ее — в противопоставлении многообразных аспектов безопасности человека и безопасности государства. Эту теорию выдвинули канадцы. Им необходимо было каким-то образом показать свою значимость, стать заметнее на международной арене. И вот эта теория была широко разрекламирована (в том числе на уровне министра иностранных дел страны) в то время, когда шли натовские бомбардировки Югославии.

Отсюда балансирование — с одной стороны, декларированная забота о каждом человеке, рассуждения о повышении значимости роли человека по сравнению с ролью государства, а с другой стороны, стремление оправдать так называемое гуманитарное вмешательство и гибель людей... во имя ценностей, связанных с защитой человеческой личности. Если взять копенгагенскую школу (в рамках которой теория человеческой безопасности получила новое развитие), можно сказать, что это своеобразная космополитическая школа, она не столько национальная, сколько региональная. И это будет правильно, но тем не менее это школа, которая объединяет представителей европейской провинции — достаточно сплоченную группу единомышленников, которая развивает интересные теории и отличается своей спецификой... Заявка на специфическую школу есть и у Китая — «теория великой гармонии», а также «теория ответственной державы».

Когда создавался первый Европейский консорциум международных исследований, то он создавался как противовес американской политической науке и Американской ассоциации политических наук. В 2010 г. в Канаде была издана монография «Перспективы международных отношений», в которой речь шла, по сути дела, о попытке рассмотреть, как развивается наука о международных отношениях в разных странах и регионах мира [5]. И все это не случайно. Американская наука не универсальна, далеко не все ее выводы и ее теории не могут претендовать на всеобщность.

На фоне всего сказанного возникает вопрос: как быть нам?

Вернемся к первым годам постсоветской России.

В начале 1990-х гг. в МГИМО была проведена конференция «Преображенная Россия в новом мире» [6]. Уже там разворачивается дискуссия между сторонниками тогдашнего председателя Верховного Совета РФ Р. Хасбулатова и главы МИД России А. Козырева. Одни (сторонники А. Козырева) считали, что путь России — только на Запад и что у «преображенной» страны не может быть национальных интересов. Каждый хочет быть богатым и счастливым, и если Россия разделит и примет те ценности, которые существуют на Западе, то у нас все будет хорошо. Сторонники Р. Хасбулатова с этим не были согласны. Это старый спор, который отражает всю историю нашего интеллектуального развития — вспомним хотя бы славянофилов и западников.

Сегодня возникает вопрос: можем ли мы полностью положиться на западочентричную международно-политическую теорию? Я думаю, что мы, конечно же, должны изучать ее, интеллектуально обогащаться, подпитываться, учиться, использовать наработки универсального характера. Но это не значит, что мы должны разделять все концепты и идеи. Это относится, например, к таким теориям, как «теория демократического мира». Вначале все были в восторге от нее, считая, что так государства избавят себя от войн. Это, в частности, проявилось и в ходе событий на майдане в Украине в 2004 г., когда звучали лозунги о демократизации Украины, о прекрасных отношениях с Западом, отсутствии противоречий и т.д.

Что вышло из этого дальше? Эта теория была поддержана в США на самом высоком уровне — уровне президента, по сути она была превращена в доктрину,

в руководство к действию. Получилось так, что если мы считаем, что ваша страна не демократическая, то мы вам поможем демократизироваться, а если не хотите, то мы вас заставим. Получается, что демократические государства не воюют друг с другом, но в то же время они считают уместным заставлять других «демократизироваться», в том числе и вооруженным путем. Точно так же: можем ли мы согласиться с противопоставлением безопасности человека — безопасности государства? Исторический опыт, традиции, современные условия нашей страны не могут не влиять на критическое отношение к данной теории.

С этой точки зрения нам необходимо задумываться о собственном подходе. Он у нас есть, у нас есть и интеллектуальные традиции, в том числе наработки на нынешнем этапе. Большая заслуга в этом принадлежит российскому ученому А.Д. Богатурову, который одним из первых занялся этим вопросом, еще в 2000 г. говорил о «парадигме освоения» [7. С. 195—201], движении по пути развития этого освоения, инкорпорирования западных концепций и идей и в то же время — о необходимости выработки собственного взгляда на мировые реалии.

На сегодняшний день у нас в стране продолжает проявляться большое внимание к зарубежным исследованиям по международным отношениям, что совершенно правильно. Недавно в РСМД (Российский совет по международным делам) был издан трехтомник, где собраны 170 статей крупных современных теоретиков-международников, из них две трети приходится на американских международников [8]. Не менее правильно и то, что уделяется внимание обобщению и отечественных исследований. Так, в 2002 г. была издана четырехтомная хрестоматия «Внешняя политика и безопасность современной России» при участии уже упомянутого А. Богатурова и Т. Шаклеиной [9].

Насколько мне известно, сейчас Российская ассоциация политической науки получила президентский грант на издание многотомника по российской политической науке, один том будет посвящен международным отношениям. Думаю, что эти усилия должны быть не только продолжены, но и более целенаправленно предприниматься в том, что касается именно международных исследований, а еще конкретнее — теории международных отношений.

Это будет способствовать плюрализации и созданию действительно глобальной науки международных отношений.

Но здесь нужно отметить некоторые особенности институционального характера. К примеру, все лучшие журналы по международным отношениям — американские. Крупнейшие «мозговые центры», «фабрики мысли» — американские. Чтобы продвинуться в карьере, ученому любой страны желательно опубликоваться и принять участие в конференциях в США и т.д. Исторически это связано с тем, что между двумя мировыми войнами огромная масса европейских интеллектуалов уехала в Америку под прессом нацизма. Они привнесли в американскую науку массу наработок и, в свою очередь, встретили в США самые лучшие обстоятельства для своего труда: начиная от интеллектуальных свобод и заканчивая высоким статусом, достойной оплатой своих исследований, что для ученого немаловажно.

В сравнении с Западом в нашей реальности начиная с 90-х гг. ощущается спад в исследовательской деятельности. Причиной тому являлся и остается, конечно, и уровень оплаты труда. Но главным стало не это, а отсутствие запроса со стороны государства. Другой аспект данного вопроса — то, что в Конституции РФ закреплен запрет на идеологию. Если не может быть никакой государственной идеологии, значит, существует табу на определенные рассуждения, в противном случае могут последовать обвинения в претензии на создание какой-нибудь идеологии.

К препятствиям институционального характера могут быть отнесены и существующая система образования и организации науки, в частности те требования, которые сегодня выдвигаются перед исследователями в области политических и гуманитарных дисциплин.

К сожалению, у нас существует недоверие к академическому сообществу, господствует тенденция все заформализовать, поставить под контроль, подчинить формальным критериям. Наверное, для этого есть свои причины, но и «перегибов» здесь достаточно. К примеру, для рейтинга преподавателя сегодня требуются публикации в западных журналах на английском языке. Для этого, конечно, надо выдержать высокую конкуренцию, и это требование, конечно, отчасти вписывается в вышеуказанную общемировую практику. Но не является секретом и другое. Для того, чтобы опубликоваться в хорошем американском или европейском журнале, надо соответствовать и требованиям не только формального или сугубо научного или методологического, но и идейного характера. Вспоминается случай отказа американского журнала от публикации статьи главы российского МИД С. Лаврова (2). Конечно, речь шла не об академической статье и не об академическом журнале. И все же данный случай показателен в плане «плюрализма мнений», свойственного американскому политологическому сообществу. Наконец, здесь есть и еще один момент: ставшую сугубо формальной, в нашем «рыночном обществе» проблему публикации в западном журнале на английском языке можно относительно легко «решить»: разве мы не получаем рассылки с предложением сделать это за деньги?

Вообще-то если мы хотим, чтобы наша наука работала на нашу практику и развивалась с учетом нашей практики, то мы больше должны ее пропагандировать и развивать здесь, на месте. Не исключая, конечно, и того, что надо публиковаться и в западных журналах на английском языке.

— Сегодня специальности «международные отношения» и «зарубежное регионоведение» преподаются почти во всех субъектах Российской Федерации. Вместе с тем от преподавания дисциплины до формирования полноценной научной школы проходит время. Как Вы считаете, какие школы международных отношений в Москве, в Санкт-Петербурге и в других регионах РФ на сегодня сформировались, и наблюдается ли своего рода «разделение труда» между ними?

— Существует определенное своеобразие в Нижегородском государственном университете, на факультете международных отношений Санкт-Петербургского

государственного университета. В СПбГУ тяготеют в основном к европейским исследованиям и занимают прозападную позицию, базируются на достижениях Запада, считая, что эти исследования основаны на неких вечных, неизблемых и правильных аргументах, там ориентированы на публикации на английском языке. Разумеется, это все имеет право на существование, но там есть и более интересные моменты; например, в этом университете одними из первых начали заниматься вопросами Арктики и ее места в современных международных отношениях (3). В Нижнем Новгороде неплохо развито востоковедческое направление, даже не столько востоковедческое, сколько международно-регионоведческое: там есть интересные исследования по Новой Зеландии, Австралии, Израилю (4).

С другой стороны, что мне особо интересно, ощущается социологический подход к исследованию международных отношений. Если они и дальше будут развиваться по этому пути, то они еще больше продвинут это своеобразие. Что касается московских исследовательских школ, то нужно отметить Высшую школу экономики (ГУ ВШЭ), где отмечается, во-первых, западное направление исследований. Во-вторых, это стремление опереться на так называемые строгие методы, то есть это определенного рода позитивистское направление (5). Подход такой, что теперь, в нынешних условиях, нельзя писать статью или книгу и говорить, что «это моя точка зрения», а нужно это обосновывать эмпирическими фактами, строгими доказательствами. В МГИМО к этому склонялся М.А. Хрусталева: он исходил из того, что наука международных отношений тогда может быть «научной», когда она опирается на строгие методы, системное моделирование и т.д. [19. С. 8—35, 86—111].

— При наличии большого количества литературы по международным отношениям в России не так много трудов по методологии анализа, по прикладному анализу международных отношений и внешней политики. Как Вы думаете, с чем это связано? Какие методологические подходы к проведению международных исследований получили распространение в РФ? Какова роль количественных методов анализа?

— Когда мне говорят о том, что каждая наука должна иметь свой собственный метод, то я не готов с этим полностью согласиться. Скажите, пожалуйста, какие сугубо собственные методы есть у политологии и даже у социологии? Не случайно сейчас самое пристальное внимание в той же Европе у международныхников вызывает вопрос о междисциплинарности. Происходит слом рамок, в том числе методологических, которые отделяют друг от друга, в частности, гуманитарные дисциплины. В этом процессе, конечно, должны участвовать и количественные подходы.

Не будем возвращаться к так называемому «второму спору», это пройденный этап в науке международных отношений. Уже давно показано, что то, что поддается количественным методам, безусловно, надо просчитывать, взвешивать, квантифицировать, в некоторых вопросах моделировать. В исследовании некоторых событий не обойтись без этого. Но свести к этому все не удастся, мы просто погубим свою дисциплину.

Как отмечал отечественный ученый, философ, мой преподаватель профессор В.Ф. Асмус в своей работе «Проблема интуиции в философии и математике» [20], в математике не обойтись без интуиции. Что уж говорить о философии и гуманитарных науках, о международных отношениях... Конечно, без интуиции тут нельзя обойтись. И точно так же, как политика — это искусство возможного, это и наука и искусство, наука о политике и международной политике и международных отношениях — это тоже и наука, и интуиция, это наука и инвенция. Нужно не только опираться на строгие факты, доказательства, но и «ощущать», «представлять», «вообразать» иначе мы за деревьями не увидим леса, не сможем продвинуться в создании теории и в исследовании тех тенденций, которые только намечаются. И тогда мы можем что-то просчитать и сказать, что это тенденция, это закон. Но все тенденции в международных отношениях встречаются с массой контртенденций. Здесь господствует неопределенность и непредопределенность. Поэтому можно высчитывать, использовать количественные методы в каких-то направлениях, в исследовании многих процессов, но нельзя все к этому сводить.

На основе количественных методов может быть создана школа, в том числе в РУДН, но это сделать нелегко в силу массы препятствий институционального характера, необходимо сформировать команду, найти людей, которые будут вовлечены в работу исследовательской школы. С одной стороны, использование какого-то метода диктуется объектом исследования, с другой — особенностями исходного образования самого исследователя, его предрасположенностью и предпочтениями к тем или иным областям знания — математическим или гуманитарным. Если человек с детства не дружил с математикой, то вряд ли он будет заниматься количественными методами. Человек же, пришедший из смежных областей, сможет, наоборот, взять на вооружение эти методы и применять их в исследованиях. Мой ответ такой: конечно, этим надо заниматься и, конечно, может быть создана соответствующая школа, но вопрос в том, насколько этому будут способствовать имеющиеся институциональные возможности.

— В какой степени отечественные исследования международных отношений влияют на процесс принятия внешнеполитических решений в РФ? Какие наиболее влиятельные отечественные внешнеполитические «фабрики мысли» можно отметить в этой связи? Какую роль в этом процессе играют институты РАН, а какую — аналитические центры, созданные в последние 10—20 лет?

— Это вопрос, на который можно отвечать, с одной стороны, исходя из общего видения, с другой стороны, он требует конкретных исследований. На вопрос о том, как принимаются решения, и какое место в этих решениях занимают теоретические разработки, здесь можно ответить только в общих терминах. Если отвечать конкретно, то надо провести конкретные исследования глубокого социологического характера — исследование документов, контент-анализ и т.д.

Если же исходить из общего подхода, надо сказать, что есть двустороннее движение.

С одной стороны, сама наука, международники, академическое сообщество, естественно, опираются и исходят из того, какие тенденции есть в обществе

и во внешней политике государства, какие тенденции господствуют в международных отношениях, как МИД смотрит на те или иные вещи. В этом смысле есть такая категория, как социальные и политические запросы. Подобным социально-политическим запросам должны отвечать международники.

Другая сторона вопроса — как влияет сама международно-политическая наука на принятие решений. Я думаю, что влияет, потому что иначе чему она может служить. Всякая наука, в том числе и математика, рождается не только из запросов практики, но и из любопытства. Когда только появляется фундаментальная теория, это может показаться никому не нужным, но в дальнейшем она становится востребованной, на этой основе создаются все блага жизни. В этом смысле каждая наука, даже такая абстрактная, как теория международных отношений, так или иначе востребована, потому что без теории, без науки вообще внешняя политика превращается в импровизацию. Наука создает сценарии будущего, и в этом смысле она дает определенного рода предписание, что надо и чего не надо делать, что можно, чего нельзя, а дело политиков — как они это используют. В США действуют так называемые «фабрики мысли», которые являются государственными структурами, они работают по государственным заказам, отражают государственную точку зрения, прежде всего силовых структур. У нас иная традиция. Даже государственные институты академического характера — такие, как ИМЭМО, Институт Европы и т.д. — до последнего времени работали по собственным планам. Другое дело, что перед важными официальными визитами им заказывали определенные справки, которые те готовили для различных инстанций, и это были научно-аналитические записки, которые выполняли особую роль для принятия решений. Сегодня есть такие негосударственные структуры, которые тоже влияют на принятие политических решений, например, СВОП (Союз по внешней и оборонной политике), РСМД (Российский совет по международным делам).

— После событий крымской весны и последующего развития ситуации на Донбассе, как представляется, в РФ существенно сократилось количество сторонников либеральной (идеалистической) парадигмы международных отношений. Каково в целом соотношение сторонников различных системных теорий международных отношений среди российских международников и какие здесь наблюдаются тенденции?

— Согласно социологическим данным, на сегодняшний день сторонников либеральных взглядов в российском обществе — от 25 до 30%. Это не может не отражаться в науке. Другое дело — они более заметны, что касается теории, науки о международных отношениях. Более того, традиция такова, что одно время было трудно заявить о каких-то других взглядах, кроме либеральных. Я думаю, что на самом деле и либерализм, и реализм не столь однородны, а «перегородки» между ними не настолько непроницаемы, как иногда представляется. Возможно даже, что разделение наших международников на реалистов и либералов не так уж важно. Важнее другое — западники и незападники. И в одной, и в другой категории есть и либералы, и реалисты. Сегодня, в связи с украинскими событиями, этот аспект более актуален и выступает на первый план.

— *Какие, на Ваш взгляд, наиболее перспективные направления исследования международных отношений на ближайшие 10 лет?*

— Исходя из современной ситуации, в мире будут актуализированы, во-первых, вопросы безопасности. В самом широком смысле это и уроки истории, и современные тенденции, изменение облика вооруженных конфликтов, военные конфликты. Это военно-политические исследования в целом, которые сегодня актуализируются. Не случайно сегодня говорят о «гибридных войнах», «асимметричных войнах» и т.д. Во-вторых, это евразийские исследования. Это опора на теории, которые у нас в стране имеют достаточно серьезные корни и нуждаются в новом прочтении в свете сегодняшних мировых реалий, кризиса в отношениях России и Запада, процессов, протекающих на постсоветском пространстве, актуализации вопросов, связанных с БРИКС. В-третьих, это региональные исследования. Это связано и с процессами в Центральной Азии, в рамках ШОС, на пространстве СНГ.

В более теоретическом плане это проблемы, связанные с международной системой, теми тенденциями, которые просматриваются: с одной стороны, ее структурные трансформации, вопросы многополярности, полицентричности или же нового издания биполярности. С другой стороны, это функциональные трансформации — хаотизация, рост неопределенности. Таким образом, исследования мир-системного характера будут еще больше актуализироваться в свете тех процессов, которые мы наблюдаем сегодня в мировой политике.

Еще один вопрос — место и роль России в трансформирующемся миропорядке. А все это вместе взятое должно быть глубоко концептуализировано. Иначе говоря, международные исследования должны, с одной стороны, развиваться на прочной теоретической базе, а с другой — способствовать развитию серьезной теории, ориентированной на национальные потребности.

Интервью провел О.В. Барнашов

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Американский исследователь Стэнли Хоффман в 1977 г. издал работу «Американская социальная наука: Международные отношения» [2. Р. 41—60]. В 2001 г. под редакцией Р. Кроуфорда и Д. Харвиса выходит работа под названием «Международные отношения — все еще американская социальная наука?» [3] — *прим. ред.*
- (2) Статья главы МИД России С. Лаврова «Containing Russia: Back to the Future?» должна была быть опубликована в номере журнала *Foreign Affairs*. Редактор журнала Джеймс Ходж, говоря о причинах отказа от публикации, заявил, что «каждая из публикуемых статей подвергается редактированию по стилю, объему и ясности выражений, но не по политическому содержанию» [10] — *прим. ред.*
- (3) В Вестнике РУДН. Серия «Международные отношения» № 1 за 2015 г. была опубликована статья представителей научной школы СПбГУ по арктической проблематике [11. С. 43—52] — *прим. ред.*
- (4) В Вестнике РУДН. Серия «Международные отношения» регулярно публикуются статьи представителей научной школы ННГУ по Ближнему Востоку. Так, в текущем номере размещена статья Н. Сулейманова [12], в 2—4 номерах 2014 г. размещено 5 статей как на русском, так и на английском языках [13—17] — *прим. ред.*

- (5) В Вестнике РУДН. Серия «Международные отношения» № 1 за 2015 г. размещена статья члена редколлегии журнала, проф. НИУ ВШЭ М.В. Ларионовой с формализованными методами анализа [18] — прим. ред.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фукидид. История / Перев. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1981
- [2] Hoffman S. An American Social Science: International Relations / Discoveries and Interpretations: Studies in Contemporary Scholarship. Vol. 1, Summer, 1997.
- [3] International Relations — Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought / Ed. by R.M.A. Crawford and D.S.L. Jarvis. State University of New York Press, Albany, 2001.
- [4] Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики (материалы научного семинара) / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
- [5] La Perspective en Relations Internationales. Sous la direction de H. Pellerin. Outremont, Athena Editions, 2010.
- [6] Преображенная Россия в новом мире. Научно-практическая конференция МИД РФ, 26—27 февраля 1992 г. // Международная жизнь. 1992. № 3—4.
- [7] Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1.
- [8] Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в 3 т. / Под ред. И.С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015.
- [9] Внешняя политика и безопасность современной России: 1991—2002. Хрестоматия в 4 т. / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Богатурова и др. Сост. Т.А. Шаклеина. М., 2002.
- [10] Заявление редактора журнала «Foreign Affairs» в связи с отказом министра иностранных дел России Сергея Лаврова от публикации своей статьи в номере журнала за сентябрь-октябрь 2007 года // ИноСМИ.Ru. 20.07.2007. URL: <http://inosmi.ru/world/20070720/235663.html>.
- [11] Ягья В.С., Харлампыева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика — новый регион внешней политики Китая // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. № 1. С. 43—52.
- [12] Сулейманов А.В. Идеология А. Давутоглу и внешняя политика Турции // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. № 3.
- [13] Корнилов А.А. Дебаты политиков и экспертов государства Израиль по вопросам национальной безопасности // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. № 2. С. 64—74.
- [14] Корнилов А.А., Ермаков А.А. Динамика асимметричного конфликта государства Израиль с радикальными организациями сектора Газа (2009—2012 гг.) // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. № 3. С. 124—131.
- [15] Сулейманов А.В. Турецко-израильские отношения: история и современность // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. № 3. С. 165—172.
- [16] Khlebnikov A.L. Syrian Uprising: Underestimated external factors. Critical Analysis of An American Approach to the Onset of Insurgency and Civil Wars // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of International Relations. 2014. № 3. P. 39—48.
- [17] Якимова Е.А. Процесс институционализации азербайджано-израильских отношений // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2014. № 4. С. 169—175.
- [18] Ларионова М.В. Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля регионального объединения // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. № 1. С. 125—134.
- [19] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
- [20] Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII — начало XX в.). М.: Мысль, 1965.

INTERNATIONAL STUDIES IN RUSSIA

THE INTERVIEW WITH **PAVEL A. TSYGANKOV**, PHD,
PROFESSOR OF THE MOSCOW STATE UNIVERSITY

The interview is devoted to methodological aspects of research in the field of international relations, the specifics of Russian research on the theory of international relations. The scientist is concerning the activities of nowadays' analytical centers in the field of international political subjects, their role in political decision-making processes. Prospects of development of the theory of international relations in Russia are being analyzing. P. Tsygankov is comparing the quality of research in the West and in Russia, noting a number of factors, which can enhance the role of domestic researches on the problems of international relations: pluralization and the creation of a global science of international relations, development of national schools of international relations. During the interview P. Tsygankov is referring to a number of scientific papers and conferences, which confirm the validity of the point of view of the researcher. Specific attention is drawn to the fact that there is a kind of "regional division of labour" in the Russian science of international relations; major universities in various cities and regions of Russia are solving too specific problems of international relations. The researcher emphasizes the issues of interdisciplinarity, which is ordinary and necessary for such science as the theory of international relations is. Interdisciplinarity, in turn, considers the use of multiple research methods and techniques — both from the field of humanities and natural sciences.

Key words: international relations, methodology, theory of international relations, analytical centers, interdisciplinarity.

REFERENCES

- [1] Thucydides. History. Trans. by G.A. Stratanovskiy. Leningrad, 1981.
- [2] Hoffman S. An American Social Science: International Relations / Discoveries and Interpretations: Studies in Contemporary Scholarship. Vol. 1, Summer, 1997.
- [3] International Relations — Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought / Ed. by R.M.A. Crawford and D.S.L. Jarvis. State University of New York Press, Albany, 2001.
- [4] Human Security in the Context of International Politics: Theory and Practice (Proceedings of the research seminar). Edited by P.A. Tsygankov. Moscow: MSU, 2010.
- [5] La Perspective en Relations Internationales. Sous la direction de H. Pellerin. Outremont, Athena Editions, 2010.
- [6] Transformed Russia in the new world. Scientific-practical conference of MFA of Russia, 26—27 February 1992. *Mezhdunarodnaja zhizn*. 1992. № 3—4.
- [7] Bogaturov A. Ten years of adaptation paradigm. *Pro et Contra*. 2000. Vol. 5, № 1.
- [8] The modern Science of International Relations Abroad. Readings in three volumes. Ed. by Igor Ivanov. M.: NP Russian International Affairs Council, 2015.
- [9] Foreign policy and security of modern Russia: 1991—2002. Reader in 4 parts. Edited by A.V. Torkunov, A.D. Bogaturov and others. Comp. T.A. Shakleina. Moscow, 2002.
- [10] Statement of the editor of "Foreign Affairs" in connection with the refusal of Russian Foreign Minister Sergei Lavrov on the publication of his article in the journal in September-October 2007. *InoSML.Ru*. 20.07.2007 Available at: <http://inosmi.ru/world/20070720/235663.html>.
- [11] Jagja V.S., Kharlampjeva N.K., Lagutina M.L. The Arctic — a New Region of China's Foreign Policy. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. A series of International Relations*. 2015, № 1. P. 43—52.

- [12] Suleymanov A.V. Ideology of A. Davutoglu and Turkey's foreign policy. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. A series of International Relations*. 2015. № 3.
- [13] Kornilov A.A. Politicians and Experts Debate the State of Israel's National Security. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. A series of International Relations*. 2014. № 2. P. 64—74.
- [14] Kornilov A.A., Yermakov A.A. The Dynamics of Asymmetric Conflict of the State of Israel with the Radical Organizations of the Gaza Strip (2009—2012). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. A series of International Relations*. 2014. № 3. P. 124—131.
- [15] Sulejmanov A.V. Turkish-Israeli Relations: Past and Present. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. A series of International Relations*. 2014. № 3. P. 165—172.
- [16] Khlebnikov A.L. Syrian Uprising: Underestimated External Factors. Critical Analysis of An American Approach to the Onset of Insurgency and Civil Wars. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. A series of International Relations*. 2014. № 3. P. 39—48.
- [17] Yakimova E.A. The Process of Institutionalization of the Azerbaijani-Israeli Relations. *Bulletin of Peoples' Friendship University. A series of International Relations*. 2014. № 4. P. 169—175.
- [18] Larionova M.V. Presidency of South Africa in BRICS. Regional Power at the Helm of the Regional Association. *Bulletin of Peoples' Friendship University. A series of International Relations*. 2015. № 1. P. 125—134.
- [19] Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations. Moscow, NOFMO, 2002.
- [20] Asmus V.F. The problem of Intuition in Philosophy and Mathematics (Outline of History: XVII — beginning of XX century.). Moscow: Mysl.